

Феномен виртуальной этнической идентичности: области теоретического осмысления

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 16.02.2019.

ФЕДОРОВА Анна Александровна
Аспирант факультета социологии СПбГУ; антрополог, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье представлен обзор современных социологических подходов к определению понятия «виртуальная этническая идентичность». Приводится их классификация, основанная на ключевых аспектах применения виртуальной этничности в изучении информационного общества. Среди направлений теоретического осмысления последовательно описываются проблемы соотношения реальной и виртуальной этничности, виртуального национализма и этничности транснациональных сообществ.

Ключевые слова:

виртуальная этническая идентичность, неэтничность, транснационализм.

В конце 90х годов XX века автор сетевой теории Мануэль Кастельс выдвинул тезис [1] о вероятной потере значения феномена этнической идентичности в новом информационном обществе. Согласно его концепции, в ближайшие годы стоило ожидать если не виртуального слияния разнородных этнических групп, то замены этничности набором национальной, расовой, гендерной и религиозной идентичностей.

Сегодня, по прошествии двух десятков лет, становится очевидным, что описанные прогнозы не нашли отражения в реальности, где феномен виртуальной этнической идентичности стал полноправным объектом научного дискурса. Так, термин «виртуальная этничность» включает в себя демонстрацию черт, характерных для определенных этнических общностей, реализуемую акторами в пространстве сети Интернет. Социологические аспекты рассмотрения и концептуализации данного термина варьируются от работы к работе, что позволяет выделить как минимум три ключевых подхода, в рамках которых авторы говорят о виртуальной этничности.

Первый из обозначенных подходов строится вокруг соотнесения классического, до-информационного содержания этничности с новыми условиями виртуального взаимодействия. Ко второй группе относятся работы, посвященные месту виртуальной этнической идентичности в процессах сохранения и видоизменения наций в эпоху постмодерна. В третьей категории теоретических подходов виртуальная этничность рассматривается как элемент функционирования транснациональных общностей.

В силу того, что все элементы данной классификации открывают новые грани понимания для виртуальной идентичности, комплексное рассмотрение их ключевых теоретических положений является необходимым для всестороннего понимания данного феномена.

Виртуальная этническая идентичность: новый феномен или видоизменение «старого» концепта этничности?

Рубеж XX–XXI веков, ознаменовавшийся скачком в развитии информационных технологий, стал своеобразным катализатором проблем реструктуризации определения классических социологических понятий, одним из которых выступила этническая идентичность.

Одной из первых попыток переосмысления данного понятия выступила статья Марка Постера «Виртуальная этничность» [9], где наряду с заявленным в заглавии термином фигурировали также авторские синонимы «неоэтничность» и «этничность постмодерна». Основная теоретическая задумка данной работы заключалась в попытке сопоставления новых обозначений с содержанием классического понятия этнической идентичности, получившего у Постера меткое название «племенной этничности». Технологическая опосредованность культуры, «уплотнение» глобальных потоков и коммуникативная децентрализация выступили основными различиями виртуальной этничности в сравнении с предыдущими стадиями развития феномена этнической идентичности. Действительно, авторская позиция Постера включала в себя эволюционное развитие этничности, где проявления ее в киберпространстве понимаются не как ложная форма этничности реальной, а объективно существующий новый этап в развитии, вызванный электронно-опосредованной коммуникацией. Благодаря электронной опосредованности постмодернистская этничность по Постеру переходит в так называемый «информационный режим»: конфигурацию, где пространство, время и человек (как сумма разума и тела) переходят из действительного, реального состояния в сложно-неопределенное.

Теоретические выкладки Постера о месте этнической идентичности человека в информационном обществе получили продолжение в работах Леи Макфадейн [6], рассмотревшей проблематику виртуализации этничности с позиций конструктивистского подхода. Поддерживая тезис Постера о неправомерности понимания виртуальных проявлений идентичности как ложных и неаутентичных, Макфадейн предложила пересмотреть основания оппозиции реальное-виртуальное за счет постановки вопроса об их взаимопроникновении. Приводя в пример теорию Андерсона о воображаемых сообществах, а также историю классических диаспор, автор выдвигает мысль о том, что основания «до-информационной» этничности всегда имели под собой большую долю виртуальности, в то время как смена парадигмы в сторону распространения интернета лишь создала новое пространственное измерение социальной жизни, воспринимаемое актерами не менее важным, чем его реальный эквивалент. Впрочем, в отличие от эволюционного взгляда на феномен этничности, Макфадейн видит возможности сосуществования его классической и виртуальной форм без обязательной замены одного другим.

Феномен тесной взаимосвязи реальных и виртуальных проявлений этничности нашел свое отражение и в теории гео-этничности, кратко сформулированной коллективом авторов в работе «Этничность, место и коммуникативные технологии» [5]. На основе проведенной полевой работы, в тексте производится синтез понятий виртуальной и реальной этнической идентичности в гибридный

термин «контекстная этничность», описывающий комплекс факторов среды (конкретного места и времени пребывания актора), влияющих на его виртуальную этническую репрезентацию. Уровень социального капитала как результат одобрения этнической принадлежности актора внутри и вне его сообщества, а также экономический капитал по логике авторов прямо влияют на детальность демонстрации им собственной виртуальной этнической идентичности.

Иной подход к проблеме соотношения классической этничности с этничностью постмодерна был предложен в работах Лизы Накамура [8], раскрывшую «темную сторону» деградации этно-расовой идентичности в виртуальном пространстве. Заявляя о текучести и маргинализации идентичностей в потенциально-анонимных сегментах интернета, автор вводит в оборот термин «кибертип» (составное от киберпространства и стереотипа). Как следует из морфологии нового термина, виртуальная этничность и расовая категоризация рассматриваются Накамурой как чрезмерно упрощенные, карикатурные, а помимо того — идеологически-конструируемые в угоду стандартному интерфейсу, отвечающему «обывательской культурной логике». Стоит отметить, что речь в данном случае идет о современном для написанной работы интерфейсе Web 1.0 (типичном дизайне сайтов, характерном для интернета конца 90х — начала 2000х годов, где действия пользователя ограничиваются рамками, выстроенными владельцами и модераторами сайтов), лишавшем пользователей возможности заявлять о своей этничности вне имеющихся на сайте категориальных рамок. Помимо акцента на дискриминационной составляющей виртуального пространства этно-расовой идентичности, теория кибертипов также содержит понятие «этнического туризма». Его содержание описывает комплекс ситуаций, когда акторы в виртуальном пространстве при наличии возможности намеренно заявляют о чужой для себя этнической принадлежности в силу конформности (характерно для маргинальных этнических групп, опасющихся раскрывать свою реальную идентичность) или любопытства (выбор экзотических этничностей).

Подводя промежуточный итог соотношению классического понимания этничности и ее виртуального прототипа, следует отметить, что все ведущие авторы в данном теоретическом поле сходятся на правомерности выделения виртуальной этничности как отдельного концепта, отвечающего особенностям функционирования информационного общества постмодерна. В то же время, между теоретиками внутри направления остаются разногласия относительно воздействия виртуальной этнической идентичности на функционирование этничности во вне-виртуальном пространстве.

Виртуальная этничность как инструмент создания и разрушения этно-национальных общностей

С точки зрения проблемы теоретического рассмотрения феномена этнической идентичности в информационном обществе не менее интересен вклад группы исследователей национализма. Несмотря на то, что один из главных теоретиков данного направления Бенедикт Андерсон уже был отмечен нами в связи с работой Леи Макфадейн, наибольшую актуальность представляют теории его последователей, заставших феномен виртуализации этничности в момент его распространения.

В первую очередь таковым является Томас Эриксен, продолживший изыскания Андерсона и Эрнеста Геллнера в аспекте механизмов сохранения устойчивого состояния национального государства. В полемике с адептами теорий деструктивной роли интернета в социокультурной интеграции наций, Эриксен выдвигает тезис [3] о росте мобильности и интернете как новых условиях управления ресурсами идентичности. Описывая проблематику актуальности виртуальной этничности, автор говорит о группах, имеющих запрос на реализацию этнической идентичности в связи с вне-виртуальными обстоятельствами собственной жизни, как-то нестабильная политическая ситуация или миграция. Подобные категории акторов имеют большой шанс к формированию идентичностей, которые Эриксен называет неустойчивыми и сложносоставными в виду их неопределенного статуса внутри нации. Эриксен подчеркивает, что осуществляемые властными структурами проекты гомогенизации этно-национальных идентичностей в реальности зачастую находят свое отражение, в том числе в виртуальном пространстве в виде кооперации на основе локальной этнической идентичности, выливающейся в «интернет-национализм». Для описания содержания данного термина в работе приводится классификация видов виртуальной кооперации по этно-национальному признаку, включающая:

1. Поддерживаемый на государственном уровне национализм (ситуации, где государство использует виртуальное пространство для объединения населения по этно-национальным признакам).
2. Суррогатную кооперацию (виртуальные объединения этнических групп, чувствующих собственную маргинальность внутри страны проживания, но не осуществляющих реальных планов по созданию собственных государств).
3. Национализм, предшествующий независимости (объединения этно-национальных групп, которые продвигают через сеть Интернет реальные планы по достижению независимости).
4. Мультикультуральный национализм (виртуальные связи представителей диаспор, которые продолжают поддерживать контакт со страной исхода, не испытывая интереса к этно-национальной политике принимающего государства).
5. Оппозиционный национализм (антиправительственные этно-национальные организации в сети Интернет, ставящие своей целью захват власти в существующем государстве).
6. Китайская форма актуализации виртуальной диаспорной этничности (виртуальная кооперация представителей диаспор, активно поддерживающих связи между анклавными, но практически не связанными с государством исхода).

Создание приведенной классификации на взгляд Эриксона отражает дуализм, присутствующий этно-национальной идентичности в виртуальном пространстве: в то время как с одной стороны интернет-ресурсы создают механизмы тесной связи по признакам

этничности и национальности, с другой стороны, в отличие от классического Геллнеровского национализма, новые виртуальные формации занимают пересекающиеся в географическом и социальном смысле пространства, что становится причиной их нестабильности.

Более упрощенный вариант группировки по этно-национальному признаку в сети Интернет был предложен в работе «Виртуальная этничность и цифровые диаспоры» Катерины Диамондаки. Построив фокус своей теории вокруг проблематики формирования идентичности участников этнических групп и сообществ в виртуальной среде, автор выделила три основных категории данных сообществ по признаку наличия у них государственности и описала механизмы консолидации внутри каждого из них:

1. Нации с государством, для которых характерно распространение принципов стабильной виртуальной этничности, построенной на элементах реально существующего государства — его символике, доминантных мифах об образовании нации, общей истории.
2. Региональные этнические группы без государств, продуцирующие дискурс общей истории и дальнейшего разъединения, позволяющие им заручаться поддержкой иных этно-национальных общностей и претендовать на самоопределение как а реальном, так и в виртуальном пространстве.
3. Нации без государства — классические диаспоры, для которых интернет стал территорией для образования виртуальных государств, основанных на системе связей между анклавами.

Принимая во внимание элементы данной классификации, несложно заметить, что все они исходят из проблем этнического самоопределения, характерных для до-информационной эпохи, однако по задумке Диамондаки виртуальное пространство должно стать для них новой «зоной схождения», в терминологическом смысле означающей технологически-опосредованные пространства, где групповая этничность проявляется за счет разделяемых смыслов, коллективной памяти и актуальных для группы элементов этно-национального диалога. В то же самое время концепция зон схождения на взгляд автора не лишена и практических недостатков, свойственных виртуальной этничности — а именно неструктурированности и одномоментности.

Технологический аспект влияния виртуализации этничности на создание и поддержание этно-национальных сообществ и групп был предложен Робертом Саундерсом — автором работы «Этнополитика в киберпространстве» [10], объединившей в себе подходы Хабермаса, медийной теории Маклюэна и социального конструктивизма. Описывая интернет как технологическую детерминанту новых типов продуцирования этно-национальной идентичности, Саундерс делает акцент на проблематику насаждаемых элементов этно-национальной идентичности, которые в информационном обществе стали прерогативой коллективных технологически-опосредованных представлений, а не результатом воздействия властных структур. В то же время само киберпространство становится для меньшинств «параллельной вселенной», где они могут бросить вызов господствующим этно-национальным группам через создание собственного медиа-контента

и транснациональной публичной сферы этничности с ее собственными знаковыми элементами, такими как язык, искусство, этническая мифология.

В общем и целом, теоретическое сопоставление теорий виртуализации этничности и сетевого национализма выступает своего рода связующим звеном между микроуровнем концептуального осмысления идентичности конкретных акторов и макроуровнем национального образования новых виртуальных общностей.

Феномен транснациональной виртуальной этничности

Набравший популярность в конце XX века научный дискурс транснационализма, описывающий связи между символично-социальными системами как минимум двух стран, не мог не войти в соприкосновение с проблематикой виртуальности. Согласно выводам ключевого теоретика данного направления Стивена Верговека [11], новые средства связи стали «технологиями контакта», связывающими представителей этнических сообществ мигрантов благодаря своей доступности. Впрочем, говоря вслед за Верговеком о технических и практических аспектах связей мигрантов, абсолютное большинство исследователей транснационализма не сосредотачивают свое внимание на аспекте этничности.

Важным исключением из данного правила является концепция Транснационализма Анады Митры, где классический посыл теории транснационализма о связи двух наций был дополнен авторским термином «транс-национализм» как связью между виртуальным пространством идентичности и биолого-географическим пространством. В отличие от дихотомии «реальное — виртуальное», описанной в первом подходе к пониманию киберэтноности, Митра делает акцент в равной степени на географических и «виртуальных» координатах. При этом она создает четырехчастную модель, характерную для транснациональной этничности XXI века:

1. Реальное присутствие в реальном географическом пространстве, состоящее в свою очередь из присутствия актора в государстве исхода (в районе, подвергшемся влиянию глобализации или напротив, приверженном местной традиции), либо проживания в принимающем государстве (с сохранением традиционного для страны исхода уклада жизни или с попытками влиться в принимающее сообщество).
2. Виртуальное присутствие в географическом пространстве — часть нарратива локальной этничности, реализованная в сети Интернет для представления актором себя как жителя небольшого этнического региона.
3. Реальное присутствие в киберпространстве подразумевает актуализацию виртуальной идентичности через использование связей, которыми актор обзаводится в реальном мире.

4. Виртуальное присутствие в киберпространстве — комплекс черт, создающих виртуальный образ актора как носителя определенной этнической идентичности.

В рамках сравнительной перспективы интересным выглядит сопоставление концепции Митры с теоретическими выкладками Карима Карима [4], работавшего над анализом влияния содержания медийного и виртуального контента на формирование гибридной этнической идентичности транснациональных акторов. Данная инструментальная постановка исследовательского вопроса является крайне характерной для работ в сфере транснационализма, а потому, несмотря на кажущийся потенциал этого направления (за исключением концепта Транс-Национализма) в изучении виртуальной этничности, на сегодняшний день такой взгляд является достаточно ограниченным.

Подводя итог краткому описанию трех теоретических направлений рассмотрения виртуальной этнической идентичности, следует отметить недостаточную теоретическую и концептуальную разработанность данного феномена в рамках каждого из них. На это указывает как бедность собственного терминологического аппарата (относящегося исключительно к теориям виртуальной этничности), так и невысокое количество работ, где феномен этничности выступал бы ключевым объектом, а не побочным направлением концептуализации.

Впрочем, учитывая темпы изменения современного нам информационного общества, отсутствие устоявшихся фундаментальных теорий виртуализации этнической идентичности может плодотворно сказаться на перспективах изучения этого феномена в формате «здесь-и-сейчас», без оглядки на быстро устаревающие теории предшественников.

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 19-011-0021.

ЛИТЕРАТУРА

1. CASTELLS M. **The Power of Identity**. Oxford: Blackwell, 1997. 461 с.
2. DIAMANDAKI K. **Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace** // Global media journal. 2003. № 2 (2). С. 26–40.
3. ERIKSEN T. H. **Nationalism and the Internet** // Nations and Nationalism. 2007. № 13(1). С. 1–17.
4. KARIM K. H. **Re-Viewing the “National” in “International Communication”: Through the Lens of Diaspora** // The Journal of International Communication. 2004. № 10 (2). С. 90–109
5. KIM Y., JUNG J., BALL-ROKEACH S. **Ethnicity, place, and communication technology: Effects of ethnicity on multi-dimensional internet connectedness** // Information Technology & People. 2007. № 3. С. 282–303.
6. MACFADYEN L. P. **Virtual ethnicity: the new digitization of place, body, language and memory** // Electronic magazine of multicultural education. 2006. № 1. URL: <http://www.eastern.edu/publications/emme/2006spring/macfadyen.pdf> (дата обращения: 20.03.2018)
7. MITRA A. **The Trans-Indian: Perspectives on Real vs. Virtual Identity in the Age of the Internet** // Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora. Dorchester: Dorset Press, 2014. С. 47–68
8. NAKAMURA L. **Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet**. New York: Routledge, 2002. 190 с.
9. POSTER M. **Virtual ethnicity: Tribal identity in an age of global communications** // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. London: Sage Publications, 1998. С. 184–211
10. SAUNDERS R. **Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity**. Lanham, MD: Lexington Books, 2011. 232 с.
11. VERTOVEC S. **Conceiving and researching transnationalism** // Ethnic and Racial Studies. 1999. № 22 (2). С. 447–462.